

Триумф зеленоглазой гурии

Британский «Букер» верен своему околобританскому духу
Коммерсантъ-Daily, — 1997, — 16 окт. — с. 14

Позавчера поздно вечером в лондонском Гилд-холле был торжественно объявлен лауреат британской Букеровской премии, на которую русская, желая того или не желая, подсознательно ориентируется. Им, как и надеялся «Коммерсантъ-Daily», стала 37-летняя индианка Арндати Рой.

Примерно пятилетняя злоба авангардной общественности на британского «Букера» объяснялась в основном тем, что премию дают не за эстетику, а за цвет кожи. Среди наиболее одиозных примеров — выделение блеклого на фоне цветущей английской словесности романа натурализовавшегося японца Кадзуо Исигуро «Остаток дня» (который в киноверсии не сумел вытянуть даже гениальный сэр Энтони Холкинс). И награждение очень неплохого, впоследствии послужившего сценарием для и вовсе очень хорошего кино романа «Английский пациент» канадца Майкла Ондатжи. Короче, знаменитая первая глава романа Малькольма Брэдбери «Профессор Криминале», издевательски описывающая букеровскую церемонию в Гилд-холле (несмотря на то что профессор Брэдбери, облеченный в брусничный с искрой фрак, на ней ежегодно присутствует), имеет под собой некоторые рациональные основания. Эта сверхполиткорректная тенденция выделять авторов не чисто британского происхождения, даже и таких талантливых, как Рой, способна довести вменяемого критика до каннибализма. Но далеко не всякий раз, особенно если рядом шварчит отменный бифштекс.

В этом году таким бифштексом оказалось наличие среди претендентов «Божества мелочей» Арндати Рой, романа, о котором «Коммерсантъ-Daily» подробно (20.09.97) писал как о сенсации года: юная индоанглоязычная проза, одновременно жестокая и нежная, несколько не похожая на умозрительные коленца культурного Салмана Рушди, с которым Рой давно уже и сравнивать позабыли. Хотя и иные блюда отличались изысканной кулинарией. Выбирать было из чего.

Самой неожиданной позицией в шорт-листе (списке шести произведений, претендующих на главный приз, уже само попадание в который — сенсация и не-

малые деньги) оказался роман достаточно известной писательницы Мэдлин Сент-Джон «Суть дела» (The Essence of the Thing) — сатирически-бытовой, не без блеска, с переменной точек зрения многих повествователей сочиненный (однако какие уважающие себя британские романы сегодня строятся без блеска, двухсотлетняя школа писательства все-таки дает себя знать) эпизод жизни немолодой лондонки, внезапно брошенной постоянным сожителем. Совершенным анахронизмом выглядел сколь угодно хорошо отделанный роман Мика Джексона «Подземник» (The Underground Man) — вариация на модные в теперешней британской литературе викторианские чудачества (достаточно припомнить знакомые нам по кино и переводам «Реставрацию» Роуз Тримейн, «Дом доктора Ди» и «Процесс Элизабет Кри» Питера Акройда).

Вашему обозревателю всего любопытнее было бы прочесть вошедшую в шорт-лист книгу Джима Крейса «Карантин» — историю пустынных искушений Христа, где Иисус оказывается болезненным, не подозревающим о своей миссии мальчиком, а его собеседниками — не только дьявол, но и трое религиозных фанатиков, а также проводник-бедуин. Пишут, что давняя эпоха воспроизводится здесь с наркотической ясностью, вплоть до того, что вы физически чувствуете кожей дуновение тлетворных песчаных бурь. (Крейс известен и другими стилизаторскими романами: «Аркадия», «Симптомы неурядиц» и «Континент».)

Волюм с претенциозным названием «Европа» Тима Паркса — многофигурный, географически размашистый и трагический роман, сопрягающий судьбы мировой истории и историю частной истлевшей любви. Критика отмечает прежде всего сложный характер главного героя, решенный, пожалуй, в духе Айрис Мердок и олицетворяющий все провалы и достижения старейшего континента на протяжении XX века.

Однако несомненным фаворитом (британский «Букер» — это ведь еще и нешуточный тотализатор) литературно ориентированные наблюдатели называли драматическую повесть Бернарда Маклаверти «Записки Грейс»: молодая

После вручения премии писательница Арндати Рой поклялась, что больше не напишет ни одной книги

женщина-композитор Кэтрин Маккенна после долгого отсутствия возвращается в Белфаст, чтобы принять участие в п хоронах отца и изнурительной любовной истории, а также вспомнить свет своего североирландского отрочества и по-взрослому воспринять неурядицы, раздирающие ее родной край сегодня. Возможно, именно пристрастие к книгам подобного рода и послужило поводом для обвинений британского букеровского жюри в конъюнктурности и предпочтении политической актуальности избираемых для увенчания произведений их эстетическому совершенству. Никто ведь, собственно, и не спорит, что роман Маклаверти — вещь глубокая, тонкая и поражающая грацией. Никто из тех, кто сумел ее дочитать. Но яркое сочинение Арндати Рой — на десять голов выше, и нынче упрекнуть высокое жюри абсолютно не в чем.

БОРИС КУЗЬМИНСКИЙ